

Неделя — 1992. — авг. (№34) — с. 12.

Он никому не говорил об этом: ни родителям, ни учителям, а просто пересаживался с парты за парту, ближе к учительскому столу. Но когда после каникул пришел в девятый класс и сел почти у доски, не услышал голоса учителя вообще. Тогда и признался во всем. В доме поднялась паника. Пошли к одному врачу, другому... Корь, легко перенесенная три года назад, вдруг неожиданно и жестоко напомнила о себе: осталось тридцать процентов слуха.

САМОЕ удивительное, что меньше всех переживал сам юноша, хотя только он мог оценить масштабы трагедии: ведь он мечтал стать певцом. Солист школьного хора, он восемь лет подряд (пока не начал ломаться голос) выходил победителем городских конкурсов. Пел в концертах с профессиональными артистами. В Ельце помнили еще его деда, учившегося в Италии, выступавшего на многих русских сценах, ставшего гордостью города. Саша слушал и загадочно улыбался. Недаром он раз пятьдесят, не меньше, ходил на «Большого Карузо». Исполнитель главной роли стал его кумиром. Он будет, как Марио Ланца!

Он не унывал даже тогда, когда пришлось уйти из школы и устроиться на завод. Может, этот странный оптимизм происходил оттого, что голос-то оставался. И он по-прежнему слышал его, по-прежнему владел им. Он часто пел за станком — иногда целые оперы, которые знал наизусть. День — «Волшебная флейта», день — «Онегин», день — «Риголетто». Правда, пониженный слух как бы отсекал нижние регистры, и он невольно переходил на высокие ноты. Но это нисколько не волновало его. А может, сам просто не слышал своего изменившегося тембра.

Иллюзии кончились самым жестоким образом. Однажды токарь Комаров рухнул у станка без сознания. Воспалительный процесс, вовремя не замеченный, перекинулся на мозг. С завода его доставили прямо на операционный стол. На третьем часу операции энцефалограф вычерчивал прямую линию (потом он узнал, что у дверей в операционную поставили каталку в морг).

Молодой сильный организм победил. Но когда он выписался из больницы, кажется, только тогда стал окончательно понимать: с детскими мечтами покончено на-

судьба

всегда. Первое же попавшееся объявление «Кировский завод в Ленинграде набирает рабочих» — решило дело. Он едет в Ленинград — делает шаг навстречу судьбе.

Я БЕЗ БОЯЗНИ ввожу в рассказ о Комарове это порядком затертое слово, ставшее сейчас модным, — судьба. Когда я думаю о его жизни, принципы рационалистического воспитания отказываются мне служить. Может, все-таки есть предопределенность жизни?..

Комаров устраивается на завод, с головой уходит в работу. Был токарем, стал слесарем. И каким!.. Но однажды на Нарвском проспекте он вдруг закружился на одном месте и рухнул в снег. Воспаление перекинулось на второе ухо, были вновь затронуты важные центры мозга, вновь предстояла многочасовая операция. Выздоровление шло мучительно; чтобы не кричать от боли, он хватался за железные

дни, когда он слышал малейшие шорохи, еле уловимый шелест. Но случилось, что слух пропал навсегда. Наступала полная тишина, и он постигал смысл обращенных к нему слов только по губам.

И здесь время признается, что жил Комаров в Ленинграде двумя жизнями. Одна — видимая: окончил техникум, поступил в инструментальный институт, стал главным инженером цеха. Другая — скрытая, потаенная, но, может, настоящая его жизнь, в которой главное место занимает музыка. По несколько раз слушал каждую оперу в Мариинке, не пропускал ни одного выступления Мравинского. Купил проигрыватель и в общедоступно постоянно слушал классику. Соседи по комнате сердились, а потом привыкли: делали зарядку под «Болеро» Равеля, а засыпали под токкаты Баха. Оставаясь один, пробовал петь, вторя звучащим голосам с пластинок...

Однажды он увидел афишу:

Он вспомнил советы, услышанные в больнице: иногда проводником звука бывает обычная ватка или поролон, смоченные вазелиновым маслом. Однажды он приладил такой маленький комочек — и мир вокруг него загрохотал, будто вся многоголосая улица, распахнув окна и двери, ввалилась в гости. Он поспешно вынул вату из ушей и счастливо улыбнулся: понял, что спасен. Теперь надо было соразмерить силу и высоту звука — найти губки различной плотности и конфигурации, составить самому композицию масел, чтобы различать малейшие оттенки звучания. На это ушел год. Но он добился своего. Звук полностью подчинился ему.

И тогда он поступил в консерваторию.

Собственно, вот и весь рассказ о потерянном и обретенном слухе.

В Ленконцерте Комаров спел все классические партии для своего голоса. Голос у него необыкновенно мелодичный, сильный. Некоторые говорят: бельканто. Любимые композиторы — по-прежнему итальянцы. Он много выступает на оперных сценах России, пел в Австрии, Швеции, Финляндии, записывается на радио, телевидении. Жаль, ни одного сольного концерта у него в России не было. Кстати сказать, никто не знал и не догадывался, что он лишен естественного слуха, а он никогда не говорил об этом, а иногда и сам забывал.

КАК ПОЯВИЛСЯ фонд? Феноменом глухого певца заинтересовалась Санкт-Петербургская военно-медицинская академия. Здесь-то Комаров впервые и услышал об идее центра «Микрохирургия уха», наподобие федоровского «Микрохирургия глаза». С вечным, конечно, присловием: «Где взять средства?» Первым вкладом был гонорар певца от зарубежных гастролей. Идеей заинтересовались в США, Канаде, Германии, Италии. А скоро Комарову предложили стать президентом фонда. Недавно он вернулся из Италии, где вел переговоры о медицинской реабилитации слабослышащих детей. В Москве выделен участок для строительства центра.

Жаль, конечно, что концерты стали редки. Говорят, что талант певца, которому сейчас 42 года, только-только развернулся в полную силу. Но, в конце концов, мы все когда-то делаем выбор...

Исаак ГЛАН.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕНОР

В Москве создается Международный центр микрохирургии уха. Во главе этой акции стоит благотворительный и тоже международный фонд «Меценат». По статистике, примерно у 10 процентов всех людей на земном шаре ослабленный слух. Центр, создаваемый фондом, должен помочь людям вернуть утраченное. Обо всем этом я и собирался поговорить с президентом фонда певцом Александром Комаровым.

Но первый же вопрос: «Что вас, певца, заставило обратиться к этой идее?» — сразу сместил акцент беседы с медицинских проблем на самого моего собеседника. То, что он рассказывал, казалось неправдоподобным.

И каждый раз (а мы встречались и после) мне надо было делать усилие, чтобы поверить в то, что я слышал.

прутья кровати и гнул их. За месяц под ним сменили три кровати.

Но когда вышел, произошло удивительное: он стал слышать лучше.

Что же случилось? Здесь не обойтись без медицинского отступления. Две операции удалили из ушей практически все: слуховые косточки, проводящие звук к барабанной перепонке, сами перепонки. Но остался слуховой нерв. Возможно, он частично и взял на себя функции удаленных тканей. Но может быть и другое, связанное с неразгаданной еще тайной психосоматических процессов, когда сильное желание творит чудеса, поднимает с постели парализованного, заставляет языки. «Я хотел слышать», — говорил мне Комаров, — напрягал силы, чтобы восстановить в памяти звуки, их тембр, высоту. Сначала мне только казалось, что я слышу их. А потом стал слышать на самом деле». Бывали

«Объявляется набор студентов в консерваторию». И наутро пошел в консерваторию.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА Нина Александровна Серваль вдруг встрепенулась на арии из «Паяцев» и внимательно посмотрела на молодого человека. Неужели и она дождалась своего ученика? Редкий по красоте и силе, хотя и совсем не обработанный драматический тенор... «Приходите завтра, — сказала она. — Приходите ко мне прямо в класс».

А завтра Александр уже ничего не слышал. Как в тумане, увидел приближающуюся к нему Нину Александровну, она что-то, улыбаясь, говорила, и только по губам он мог понять, что это были слова приветия и похвалы...

И все же он учится пению — в народной консерватории. И успешно заканчивает ее. Чудо — слух ни разу не подвел его.